

Соотношение религии и права в Пятикнижии Моисеевом

Период существования цивилизаций («миров») - время, когда именно «религия» объединяет общество. На стадии дородового общества происходит открытие физического мира и физического времени как самостоятельных и независимых от человека констант его собственного существования. Во время первых «протомиров» в рамках «Осевого времени»¹ наблюдается открытие исторического мира как места передвижений и деятельности племен и народов и исторического времени как системы измерения и описания смысла их существования. Средиземноморский «мир» (Римская империя)² открывает социальный мир как место стационарного обитания и конвергенции сначала народов, а потом и отдельных людей. Складываются предпосылки для появления вертикальной модели истории на материале метарегиона и мегасоциума.

«Столпотворение богов» («язычество») как информационный хаос является непосредственным и первым результатом этой конвергенции. Если в первобытном обществе человек воспринимает мир как некую неизбежную данность и свою онтологическую связь с миром как «природой»³ ощущает лишь как зависимость от нее, а сама проблема происхождения мира его не волнует, он все же эту свою зависимость пытается каким-то образом компенсировать, в соответствии с чем необходимо выстраивается определенная система общепринятых представлений и произведенных от них ценностей. В рамках «миров» человек начинает ощущать большую зависимость уже от тех сил, которые соседствовали с ним на земле⁴. Поэтому «столпотворение богов» как противоречивое взаимодействие и соответственно противоборство разнообразных культурных парадигм приводит к тому, что становятся загадкой не только нарождающийся социально-исторический мир, но и уже казалось бы осмысленный мир физический, который не поддается больше чувственному осмыслению. Для его понимания будет использоваться уже абстрактно – логический подход⁵.

В рамках этой своеобразной «осевой» революции, системообразующим фактором которой стало ускорение перехода человечества к «цивилизационной» стадии развития, выстраивается своеобразная сетка координат, где горизонталь (решение социально-политических проблем) постепенно становится важнее вертикали (решение проблем, связанных с активным распространением человечества по всей планете и, следовательно, выходом за пределы одной какой-либо природно-климатической зоны)⁶. Акцент естественно делается на хаосе социальном, хотя одновременно необходимо было «поставить на службу обществу» и «взбунтовавшуюся науку». Потеряв социальные цели, она стала развиваться

¹ Выражение «осевое время» (800 г. до н. э. – 200г. н. э.) принадлежит К. Ясперсу. См.: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.

² Эта же ситуация, разумеется, характерна и для других «миров» (дальневосточно-конфуцианского, индобруддийского и впоследствии мусульманского).

³ «Природа» как «все зримое, подлежащее пяти чувствам» (*Даль В.* толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1994. С. 438).

⁴ *Пиков Г. Г.* «Сакральное» и «секулярное» в «христианской» культуре // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2004. С. 36 – 59.

⁵ Только ньютонова наука сделает новый прорыв в изучении физического мира, построив на основе анализа простейших систем достаточно непротиворечивую «научную» картину. Наблюдаемый в XX в. «реванш Бога» отчасти был обусловлен и тем, что физический мир в очередной раз кажется непознаваемым.

⁶ В конце II тыс. на первый план выходит «загадка» физического мира, ибо глобализационные процессы в целом наметили алгоритм сосуществования различных цивилизаций, но плохо контролируемый рост народонаселения и неопределенность дальнейшего развития существующей достаточно хаотично науки создали ситуацию, зеркальную той, которая была в начале «осевого времени»: теперь уже не природа опасна для человека, а человек угрожает ей. Не случайно в числе «научных» проблем растет удельный вес экологических вопросов.

довольно хаотично⁷, для общества достаточно бесплодно, а порожденное ею «свободомыслие» фактически вступило в конфликт с традицией, до сего времени в целом успешно блокировавшей опасность социальных «революций». «Религия» и «наука» как две единственные в то время формы спекулятивной мысли пришли в очередное противоречие друг с другом, - необходимо было восстановить их «завет». К тому же разнообразие социальных рецептов, выработанных в рамках этнолокальных культур, необходимо было привести в соответствие друг с другом и с динамичной геополитической ситуацией.

Именно религия, опирающаяся на абстрактно – логический подход, в конечном итоге и вырабатывает решение всех этих проблем на длительный период, практически на два тысячелетия вперед. Ближневосточно – средиземноморско – европейская традиция на основе идеи «Бога»⁸ производит сознательную перманентную редукцию⁹ традиции и науки, предложив понимание культуры как «завета» «Бога» и «Человека», сделав «человека» «рабом Божиим» и положив в основу картины мира две культуурообразующие идеи - креационизм и провиденциализм¹⁰. «Мир богов» превращается в «космос» как место обитания единственного Бога и тем самым эффективно блокируется возможность хаотичного развития религиозной мысли. Идея «мира» как «творения» делает бесполезным решение социальных проблем исключительно методом познания физического мира. Все три мира, физический, исторический и социальный, «отданы» Богу и наука до следующей бифуркации становится «служанкой богословия».

Ядрами двух редуцированных систем, «божественной истины» и «истины человеческой», которые располагаются в виде дроби¹¹, естественно становятся «закон Божий» и «закон человеческий», иначе говоря, комплексы религиозных истин и правовых рецептов. Отношения этих двух компонентов всегда были проблемными, ибо право как человеческий закон развивается путем суммирования прецедентов и универсализации форм

---

⁷ Франкфорт

⁸ Ср. Иоан.1:1-5: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

⁹ Это осуществляется двумя путями. Прежде всего, многие вопросы (происхождение мира, сущность Бога и др.) объявляются бесполезными. В то же время, происходит пуризация (от лат. *Pura* – чистый), т. е. «очищение» прежних терминов и понятий от ставших ненужными смыслов, ибо «любое слово является пучком, и смысл торчит у него в разные стороны» (О. Э. Мандельштам).

¹⁰ Одну из особенностей развития культуры можно обозначить условно как техногенность - от греч. слова «техне», которым уже ранние греческие мыслители обозначали превращение слова в понятие, термин. Слово, означающее конкретное явление, событие или факт постепенно превращается в символ, знак, - нечто, означающее часто встречающееся и, следовательно, одновременно являющееся признаком целого, цельного, его обязательной характеристикой (ср. русские слова «знать» и «значить», которые характеризуют две грани и цели формирующегося «значения», а через него и «знания»). Имя как фиксация единичного наблюдения превращается в знак – логос, в посредника между наблюдателем и сверхъестественным смыслом. Процесс же формирования неизбежного множества понятий – терминов обязывает устанавливать их иерархию, следовательно, строить картину мира как расширяющуюся сумму признаков. Этот процесс в принципе и есть процесс развития культуры. Он в европейской культуре несколько по иным причинам получил наименование «перехода от мифа к логосу». Средневековый человек обозначает это Богоявлением, следом промысла Божьего. Христианскую культуру, действительно, можно обозначить как техногенную (не путать со словом «техническая» в машинно-тракторном духе), ибо она составляет эту самую иерархию понятий, логически, т. е. системно, ее упорядочивает и, десакрализуя миф, сакрализирует и универсализирует понятие. Рождение же понятий как очевидное и наблюдаемое системообразование онтологически подкрепляет наблюдаемое на практике и в обыденности появление как рождение. Крестьянин строит, выращивает, транслирует во времени и пространстве что-то и неизбежно связывает этот процесс не просто с рождением, а с творением. Творение созидательно, т. е. системообразующе. Креативность становится базовым представлением средиземноморско-христианской цивилизации. Она приобретает такое значение именно потому, что творит как превращает хаос в космос. Из множества разноязыких, т. е. разносистемных мирков, движущихся в никуда в броуновском движении истории, начинает складываться их иерархия. Идет творение. И сначала действительно появляется свет как желание – неизбежность порядка, договора, выработки условий существования.

¹¹ Более подробно см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2002. С. 74 – 99.

предупреждения преступлений и методов наказания за них, а религия стремится ввести в криминологическую сферу параллельно страху перед неотвратимым наказанием страх перед взыскующим взором Бога как «отца», который не только дает жизнь человеку, но и контролирует его поведение на протяжении всей жизни¹². Именно с этой целью производится, насколько это возможно, сакрализация права, т. е. правовые вопросы сознательно вводятся в религиозные тексты или разного рода судебники объявляются «правдами», т. е. данными свыше¹³.

Так называемые «священные тексты» являются текстами, в которых в систематизированном и предельно унифицированном виде содержатся базовые идеи той или иной цивилизации и формируется «механизм» их реализации в постоянно меняющемся мире¹⁴.

«Сакральную» сферу европейской культуры представляет «Библия», основой которой является один из архетипических Текстов Западной цивилизации Тора¹⁵, - практически первый синтез мифологических, исторических и философских представлений Средиземноморья как метарегиона. Тора представляет собой и один из первых на планете письменных Текстов, созданных на основе синтеза устной и письменной традиций (египетской, греческой, ближневосточной). Ее создание идет во многом в русле так называемой эллинистической, т. е. синтетической, традиции, определяющей развитие государственности и культуры Средиземноморья после походов Александра Македонского. Особую роль в создании Торы сыграло приобщение к средневосточной традиции в период Вавилонского плена. Таким образом, Тора есть Текст всесторонне выверенный, прошедший мощную апробацию в тогдашнем культурном «мире», скорректированный с другой «мировой» (вавилонской) традицией.

В то же время, в Торе произошло непротиворечивое слияние «мировой» традиции с конкретно этнической (еврейской). История евреев становится благодаря «поддержке» «общемировой» культуры особой и в результате Тора превращается в своего рода «программный» документ («указание», «наставление»), на основе которого должно было быть осуществлено строительство «возрожденного» и «обновленного» еврейского государства. Именно на основе Торы вырабатывается система идей и механизмов этого строительства, в законченном виде превратившаяся в Танах¹⁶. Танах – это адаптация универсалистских, в большей степени общеисторических и общефилософских идей Торы к этно-географическому региону (Земле Обетованной).

Одновременно Тора сыграла большую роль в складывании единой цивилизации и на обширных азиатских пространствах (кроме дальневосточной окраины континента). Здесь еще в глубочайшей древности складывались первые протоцивилизации («миры»), из

---

¹² Здесь важно и то, что «мировая религия» саму культуру не выводит из какой-либо предшествующей великой или знаменитой культуры (например, римская из троянской, египетская из Атлантиды, русская из Византии), не считает, что она может быть украдена у богов (миф о Прометее), а видит ее как результат либо «дара», либо «промысла» Божьего.

¹³ Это будет и своеобразной формой предупреждения разбухания правового материала и, в то же время, механизмом его перманентной кодификации, а, следовательно, и средством обуздания юридического произвола.

¹⁴ Более подробно см.: *Пиков Г. Г.* Представление об истории в Новом Завете...

¹⁵ Сефер-Тора - Пятикнижие Моисея, в которое входит пять книг: Берейшит (Бытие), Шмот (Исход), Ваикра (Левит), Бэмидбар (Числа) и Дварим (Второзаконие). Окончательная канонизация Торы – 397 г. до н. э. (История всемирной литературы. Т. I. С. 574). Тора именуется также "Хамиша Хумшей Тора" ("Пять частей Торы") или просто "Хумаш" ("Пятикнижие"). Раннехристианские авторы обозначали ее греч. словом "пентатеухос" ("Пятичастная книга", "Пять свитков"). (*Ринекер Ф., Майер Г.* Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг, 1999. С. 805).

¹⁶ Танах (ТаНаХ) – комплекс текстов, который является священным текстом иудаизма, но в христианской традиции именуется Ветхим Заветом. Сама аббревиатура указывает на три части (Тора невиим ве кетубим): собственно Тора (Учение, Закон), Невиим (Пророки) и Кетубим (Писания). Канонизация происходила постепенно (в талмудической традиции: 621г. до н. э., 444 г. до н. э., конец I в. н. э., в масоретской - к. IX в. н. э.). В III – II вв. до н. э. фарисеи стали приобщать к Торе Пророков и Писания и говорить, что они тоже даны свыше.

которых в первом тысячелетии н. э. выросли такие мощные культурные очаги, как иранский, сирийский, ближневосточный, египетский. Эти культуры имели очень длительную и мощную культурную предысторию и потому ни один из этих очагов в отдельности не мог стать ядром будущей единой цивилизации. Если на Западе складывалась моноцентричная (римцентричная) модель цивилизации и для этого была основа в виде базовой греческой культуры, то на азиатском Востоке будет реализована модель цивилизации в виде «куста», созданная с помощью мусульманской мировой религии, предложившей идею «халифата» как сообщества письменных культур (а не бесписьменных народов и племен, как на Западе) под эгидой ислама. В условиях полицентричного «мира» у ислама не оказалось ни своей собственной «античности», ни своего единого сакрального прошлого. Он вынужден опираться в этом плане на такие синтетические варианты, как эллинистически - римскую «античную культуру» и иудейско – христианскую сакральную традицию. Именно они максимально непротиворечиво для своего времени синтезировали культурное пространство от Месопотамии до туманного Альбиона. Именно из Торы фактически исходила пророческая традиция, которую довел до логического конца ислам. Посыл оказался настолько мощным, что мусульманская культура – религия до сих пор является арматурой полицентричного азиатского пространства.

Для любой цивилизации характерно проблемное сочетание сакрального и секулярного и именно это взаимодействие дает базовые идеи и алгоритм ее поведения. В истории европейской цивилизации в центре сакральной и секулярной частей культуры находятся именно религия (*religio*) и право (*ius*)¹⁷. Оба слова обозначают определенного рода идеи, задача которых объединять человеческое сообщество¹⁸.

Эта проблема существовала не только в римской, но и в ближневосточной культуре. Именно в рамках древнееврейской религиозной мысли появилась первая сформировавшаяся модель культуры, когда происходит объединение сакрального и секулярного. В итоге здесь в специфической форме «Завета» выражена была базовая парадигма будущей европейской цивилизации¹⁹.

Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы именно в Пятикнижии²⁰. Правовые аспекты «Моисеева Закона» содержатся прежде всего в таких книгах, как Исход, Левит и Второзаконие. Они представлены не в систематическом виде, а вразброс, как множество различных правил и предписаний, касающихся не только правовых норм, но и правил поведения, религиозных обрядов²¹. В Исходе делается акцент на

---

¹⁷ «Традиционные символы общества на Западе... всегда были в первую очередь религиозными и правовыми» (*Берман Г. Д.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 11, 13, 16, 165).

¹⁸ Не случайно термин *Religio* по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов *religare*, *eligare* (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола *relegere* (вновь собирать, достигать). Именно в рамках Римской империи происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно - философских представлений. Повлияло, видимо, и лат. *relinquere* (почитать, благоговеть) – *Дулуман Е. К.* религия как социально – исторический феномен. Киев, 1975. С. 15.

Этимология слова *ius* не очень ясна. Предполагают даже, что оно могло возникнуть на основе санскритского *ju* вязать. Это основное понятие римского права и означает правопорядок, установленный людьми. Именно в Римской империи разрабатывается самое универсальное на сегодняшний день на планете право.

¹⁹ Сказанное имеет самое прямое отношение к сфере юриспруденции, хотя многие частные правовые вопросы, естественно, поставлены и решены в рамках античной мысли и практики. См., например: *Баскин Ю.Я.* Библия и международное право // Правоведение. 1991. №5; *Он же.* Новый Завет и становление нового международного права // Правоведение. 1992. №4; *Иванов Н.* Библия и уголовный закон // Советская юстиция. 1992. №№ 7-8; *Никонов В. А.* Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995.

²⁰ Основные задачи Торы как Закона можно сформулировать следующим образом: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6: 24).

²¹ «Нерасчлененность» права и тесное переплетение с религиозными идеями характерны для древней и средневековой ближневосточной правовой мысли в целом. Ср. мусульманское обозначение «религии» («дин»), являющееся одновременно синонимом слова «закон» (*Луис Б.* Ислам и Запад. М., 2003. С. 14).

уголовном праве, в Левит на гражданско-правовых отношениях, в Числах на семейно-брачных отношениях.

Прежде всего, надо отметить, что вся история библейского права была проблемной и конфликтной. «Земля Обетованная» находилась в эпицентре азиатского геополитического пространства, территория ее была предельно ограничена и в результате древнееврейский этнос развивался хаотично и трагично. Вся его история связана либо с внешними (египетский, вавилонский), либо с внутренними «пленами» (иго моавитян, мадианитян, филистимлян и т. д.)²². Неоднократно в Библии упоминается инакомыслие на уровне отдельных людей (Иов, богоборчество Иакова, Экклезиаст) и даже отступничество, когда кто-то говорил: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им» (Втор 13:2)²³. В речах Езекии (Паралипоменон) подчеркивается, что вся история Израиля была по сути периодом непокорства: «Ибо отцы наши поступали беззаконно, и делали неуютное в очах Господа, Бога нашего, и оставили Его, и отвратили они лица свои от жилища Господня, и оборотились спиной» (2 Пар. 29:6; ср. 2 Пар. 36:14). Осия образно описывает Израиль как народ блудодействующий: «Они же, подобно Адаму, нарушили завет и там изменили Мне» (Ос 6:7, также 2:5; 4:12; 5:7; 9:1). Отпадение Израиля было одновременно божественным наказанием и приговором за грех (Иер. 2:19). Только милосердие и сочувствие Яхве могли восстановить благополучие Израиля (Иер. 3:22; 14:7). Поэтому-то пророки непрерывно обличают своеволие и неверность Израиля, который в наказание и испытал на себе полноту божественного неудовольствия и забвения во времена вавилонского плена. Возвращение из плена требовало заключения нового завета, такого, который нельзя было бы уже нарушить (Иер. 31:22-24). И тогда Израиль снова станет народом Бога (Ос. 2:23). «И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест жительства их, где они грешили, и очищу их, и будут Моим народом, и Я буду их Богом» (Иез. 37:23)²⁴.

Стержнем всей правовой традиции Торы является теоцентризм. В основании всего Закона фактически лежит первая заповедь: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх.20:2). Только сотворивший мир и знающий его судьбу может быть источником истинно справедливого Закона. Поэтому самым опасным преступлением считалось отступление от Бога. Запрещалось даже упоминание имен других богов для сохранения чистоты в мыслях и словах (Исх.22.20; Вт. 17.2-5; 23.13).

Закон Моисея - это основа, на которой базируется праведность человека и путь достижения Царства Божьего²⁵. Тора как Закон²⁶ важна именно потому, что определяла «движение мира, существование человечества, историю народа, заключившего вечный Завет с Богом, каждодневное бытие человека», она – «некий священный план» развития мира и потому в ней сосредоточены необходимые для этого «важнейшие парадигмы, модели исторического и духовного бытия человека».²⁷ Только Закон может обеспечить развитие

²² Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003.

²³ «Мгновенные переходы от пучин отчаяния к вспышкам ярости и злобы также дают понятие о непредсказуемом и неустойчивом характере этого беспокойного и своенравного народа» (Келлер У. Ф. Иисус Навин. Джерри М. Лендей. Давид. М., Ростов н/Д, 1999. С. 8).

²⁴ Пиков Г. Г. Ересь как культурное явление // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Кемерово, 2004. С. 64 – 65.

²⁵ Моисей говорил о двух путях, один из которых ведет к благословию, а другой — к проклятию. Эти пути разделяются там, где человек решает вопросы о том, кто управляет миром и от кого исходит Закон?

²⁶ В европейских языках «Тора» принято переводить словом «закон», хотя скорее здесь подойдет «наставление», «наказ», «поучение» (термину «закон» в еврейском языке соответствует слово «дат» - Есф 1:13). В ряде мест Пятикнижия говорится, что Моисей был автором лишь некоторой части его разделов (Исх 17:14; 24: 3-4; Числ 33:2; Втор 27: 1-3; 31:9). Мень А. Пятикнижие Моисея (Из Словаря по библиологии) // Мир Библии. В. 5. 1998.

²⁷ Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета). Минск, 1998. С. 188, 189. Это естественно создает возможность предельной сакрализации текста, в данном случае библиолатрии (Рябиков В. М. Философские аспекты критики библиолатрии. Л., 1975; Щепин Г. П. Методологические проблемы научной критики Библии и библиолатрии. Л., 1982).

мира от простого к сложному, от примитивного к истинному, от хаоса к «миру»²⁸, обретение и соблюдение Завета и в итоге, говоря словами Н. Бердяева, «встречу народа с Богом путем истории». Если учесть, что теоцентристская идея маркирует всю европейскую цивилизацию, то понятно, что законы Моисея фактически создают колею европейского правосознания²⁹, стимулируют его развитие и так или иначе присутствуют в качестве исходных и в новых условиях. Можно сказать, что на основе социальных и юридических идей Пятикнижия возможны и древнеиудейская теократия, и средневековая монархия, и буржуазная республика. Многие положения Закона Моисеева оказали влияние на развитие законодательства других народов и стран, особенно на формирование Конституции США.

В соответствии с рассказом о том, что Моисей, получив от Бога две каменные скрижали с начертанными на них Десятью заповедями (Исх. 19-31 гл.), выступил лишь в роли посредника между Богом и Израильским народом, этот закон именуется также Законом Божьим. Такое наименование делает его фактическим образцом правового документа³⁰, регулирующего все стороны жизни общества³¹, и, следовательно, являющимся одновременно и образцом для построения идеального, с точки зрения Бога, общества, которое должно существовать века («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6: 24). Перед нами первое упоминание о законе как правовом документе, который имеет высшую юридическую силу, распространен на всех членов общества и формирует возможность реального достижения общества добра и справедливости («если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля» - Исх.19:5).

Ядром Торы и соответственно Моисеева Закона несомненно являются Асерет Диброт («Десять заповедей», Декалог, Десятисловие – Исх 20:1-17; Втор 5: 7-21)³². Это суть «Моисеева учения»³³. Эти заповеди фактически кодируют культуру, отличают ее от остальных культур. Они универсальны, ибо фактически описывают все возможные исторические и жизненные ситуации. Отличительной является не только идея единобожия, но и свое понимание Бога как чистой духовности. Это обеспечивало легитимность борьбы с «язычеством», т. е. остатками полисных и племенных культур, и складывание единства «мира». Симптоматично, что заповеди ничего не говорят о культе и обрядах и тем самым делают акцент на «нравственности» восприятия всего Закона в целом. Их пронизывает идея «страха Божьего» как необходимости вечно равняться на Бога как моральный ориентир, осознавать его постоянное присутствие всегда, везде и во всем³⁴. Одной из основ этого

---

²⁸ Этому способствуют как внешние (аксиологическая, адаптационная, когнитивная, информационная, коммуникативная, трансмиссионная, интегративная, социализирующая), так и внутренние (регулятивная, охранительная, рецептивная, антиэнтропийная) функции права.

²⁹ Тора также – «основа всего позднейшего еврейского права» (*Телушкин Й.* Еврейский мир. Иерусалим, М., 1992. С. 11).

³⁰ Одновременно это пример первого всеобъемлющего писаного уголовного права (*Мысловский Е.* Религиозно – светские начала уголовно – правовых норм // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 10). См. также: *Шафир М. П.* Очерк моисеево – талмудического права. СПб., 1871.

³¹ Закон Моисея как важнейшая составная часть не только Пятикнижия Моисеева, но и всего ТаНаХа должен был регулировать различные стороны жизни общества — от внутрисемейных отношений до организации ритуальных церемоний. В своей совокупности его нормы и составляют Бога с «избранным народом», Его выполнение есть служение Богу и условие святости.

³² Ортодоксальный иудаизм впоследствии считал, что во время Синайского откровения были даны 613 заповедей, из которых десять высеченных на Скрижалях относились только к иудеям. «Гоим» как остальные народы попадали под защиту иудейского Закона только в том случае, если соблюдали «семь заповедей потомков Ноя» (*Али-заде А. А.* Коран и Библия: сравнительный анализ (мировоззренческий аспект). Баку, 2000. С. 13). Какое-то время мозаистическая (Моисеева) правовая система действительно оставалась партикулярной, т. е. действовала на ограниченной территории в отношении определенного круга людей. См. также: *Ипатов А. Н.* Этноконфессиональная общность как социальное явление (Проблемы взаимодействия религии и этноса). М., 1980.

³³ *Мень А.* Как читать Библию. Ч. 1. М., 1997. С. 182.

³⁴ Евангелист Марк говорит, что когда Иисуса спросили, «какая первая из всех заповедей?», он ответил: «Первая из всех заповедей: «слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа

корпуса является и идея миролюбия и дружбы всех со всеми. Для доцивилизационного периода характерно преобладание ситуативного подхода к праву, отсутствие абсолютных рецептов и запретов. Формирование единого этнокультурного пространства требовало точных и безоговорочных формулировок, абсолютной категориальности «религиозных» и «нравственных» парадигм. Десять заповедей, как и последующие предписания Христа – аподиктичны, безоговорочны³⁵.

В силу сказанного заповеди представляют собой фактически общую часть Моисеева Закона, которая раскрывается впоследствии с помощью норм особенной части. Они – источник основных принципов регулирования общественных отношений и формируют таким образом юридический, обязательный, характер дальнейшего развития права. Они внесли в современную цивилизацию ряд важнейших принципов, ибо провозглашали неприкосновенность человеческой жизни (не убий), неприкосновенность собственности (не укради), даже обязательный день отдыха после шести дней труда (Шестоднев). Десять заповедей закрепляют важнейший принцип равенства всех перед законом. Действие Закона в пространстве определяется фактически современными принципами – принцип гражданства и территориальный принцип. В то же время закон отличался неограниченным характером действия во времени, что видно из четвертой заповеди: «не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих».

Можно говорить и о зарождении³⁶ специфической для европейской цивилизации теократической доктрины преступления и наказания³⁷, господствовавшей на всем протяжении средневековья и впоследствии, в рамках Реформации, даже получившей новый импульс для своего развития³⁸.

Сам термин «преступление» встречается в Пятикнижии Моисеевом прежде всего тогда, когда речь идет о нарушении заповедей (Лев5:15; Втор21:22,24:16). Акцент изначально делается на отступлении от сакральных императивов: «если кто согрешит и сделает преступление перед Господом» (Лев 6:2), «если какая душа согрешит по ошибке против каких-либо заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать» (Лев 4:2), «если мужчина или женщина сделает какой-либо грех против человека, и через это сделает преступление против Господа, и виновна будет душа та» (Числ 5:6).

Синонимами понятия «преступление» являются многочисленные еврейские и греческие слова (злодеяние, дерзновение, неправда), которые определяются как преднамеренный грех, злой и дерзкий умысел (Быт 6:11; 2 Цар 6:7; Откр 18: 5).

Именно этот признак, которым можно обозначить словом «грех», возглавляет иерархию других признаков преступления. В основе греха лежит противопоставление человека Богу: «я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца моего» (Втор 29:19). Это преступление совершается «дерзкой рукой» (Числ 15:30),

---

Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею”: вот, первая заповедь!” (Марк, 12:29-30). Это краткий пересказ того, что говорится в Торе: “Слушай, Израиль! Господь - Бог наш! Господь один! Люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоей и всем существом твоим. Да будут слова эти, которые Я заповедаю тебе сегодня в сердце твоём. И тверди их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась, и вставая. И навязывай их в знак на руку твою, и да будут они повязкой меж глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих” (Второзаконие, 6:4-9).

³⁵ «Для изложения Десяти заповедей выбрана такая форма построения предложений и выражений, что каждое слово, будучи однажды услышанным или прочитанным, навсегда врезается в память» (*Пятикнижие* и гафтарот. М., Иерусалим, 2001. С. 550).

³⁶ *Пиков Г. Г.* Понятие о преступлении в Пятикнижии Моисеевом // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Материалы Региональной научно – практической конференции. Новосибирск, 2004.

³⁷ Именно в ее рамках уголовное право и становится «практической» частью всего юридического комплекса. См. также: *Гринберг М.* Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. Сб. ст. под ред. Б. Шварца. М., 1997.

³⁸ *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994. С. 31-32.

т. е. преднамеренно с целью противостояния Богу³⁹ и его закону и его нельзя было искупить жертвоприношением. Отсюда можно сделать вывод, что преступление в Торе понимается как категория, стоящая над политической, социальной и этнической сферами, как действие, посягающее на интересы общества в целом⁴⁰. По этой причине и идет выделение прежде всего «общеуголовных» преступлений (имущественные преступления, убийства, насилие и др.)⁴¹. Исходя из текста Торы, ее уголовный закон и есть Слово Божье, обращенное к людям в виде принципов и общих норм поведения, а также определяющее, какие конкретные деяния являются преступлениями, и каким наказаниям следует подвергнуть лиц, их совершивших.

Обнаружить состояние греховности возможно с помощью соотношения всего поведения человека (а не отдельного проступка) с нормами Пятикнижия Моисея. Если греховность, таким образом, является сущностью преступления против Бога, то проявления ее обнаруживаются лишь Законом: «Что же скажем? неужели от закона грех? Никак; но я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: “не пожелай”... Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил» (Рим 7: 5-9). Следовательно, преступление - это еще и противозаконное деяние: «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (Ин 3:4). Запрет на совершение тех или иных деяний содержится и в Десяти Заповедях, и в частных нормах. Преступление, таким образом, является противоправным, т. е. нарушение любого запрета ведет к столкновению со всем комплексом норм и императивов. «Противозаконная» деятельность человека социально опасна и, следовательно, является достаточным основанием для наказания. Эти два признака преступления (противозаконность и наказуемость) можно рассматривать как объективные.

Преступление в Торе понимается как действие, совершение которого запрещено под страхом наказания. Это можно считать универсальным определением преступления, которое сохраняется на всем протяжении средиземноморско-европейской цивилизации.

Определение преступления в Пятикнижии Моисеевом можно считать формально-материальным, так как предусматривается и формальный признак (запрещенность деяния нормами закона), и материальный (общественная опасность).

Запрет Бога предусматривает и возможность применения наказания, в отличие от гражданских правонарушений (Лев 11:17), и наказуемость следовательно есть существенный признак преступления.

Можно выделить два аспекта понимания здесь общественной опасности: социально-философский и юридический. Первый связан с изначальной оценкой обществом его и других общих (материальных, социальных, духовных, религиозных) ценностей. Юридический аспект характеризуется тем, что социально-философское представление об опасности конкретного деяния отражено в законе.

Предусмотрен и субъективный признак преступления - виновность, под которой подразумевается сознательное игнорирование заповедей. Преступное действие здесь представляет собой активную форму человеческого поведения, поскольку фактически рядом с религиозным начинает формироваться светское понимание свободы воли – не только

---

³⁹ Эта идея станет основополагающей для классического (средневекового) периода развития европейской цивилизации. По мнению английского юриста Брактона, общество должно жить «не под властью человека, а под властью Бога и закона» (*non sub homine sed sub deo et lege*). Утверждение, что Бог и есть Закон, встречается и в новое время. См. также: **Вишев И. В.** Социально – нравственный смысл десяти библейских заповедей. М., 1963. С. 5).

⁴⁰ Впоследствии именно из понятия «греха» выйдет понятие о «преступлении» как оскорблении государства или общества в целом (**Мэн Г. С.** Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873. С. 301).

⁴¹ Уже здесь, а не в средние века, как считает Г. Д. Берман, можно увидеть зарождение таких социо-юридических особенностей европейской цивилизации, как правление законом (*rule by law*) и господство права (*rule of law*). См.: **Берман Г. Д.** Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 10.

непрерывное стремление к совершенству (Бог как символ и образец совершенного совершенства), но и сознательное поведение в конкретной ситуации, выбор.

Роль объекта преступления выполняют Асерет Диброт (Десять Заповедей). Фактически, любое преступление, упоминаемое в Пятикнижии Моисеевом, есть частный случай нарушения той или иной заповеди. Любопытно, что здесь действительно впервые в истории европейской цивилизации была предпринята попытка сформулировать эти предписания на основе не казуистической техники («око за око»), а правил общечеловеческих отношений⁴².

Объективная сторона преступления в Торе, как и в современном праве, состоит в деянии - действии и бездействии, хотя второй случай встречается достаточно редко (например, не устранение грозящей опасности (Исх 21:29)). Известна Торе и непреодолимая сила: «Если же кто в поле встретится с отроковицей обрученной и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею; а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного; ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его. Ибо он встретился с нею в поле, и хотя отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее» (Втор 22:25-27).

Трактовка Законом субъекта преступления отличается от современной: не упоминается необходимость достижения преступником какого-либо возраста, не оговариваются вопросы вменяемости, допускается возможность наказания животных. Например, «если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями, и мясо его не есть; а хозяин вола не виноват» (Исх 21:28), «Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь на них» (Лев 20:16). Однако субъективная сторона описывается в Торе достаточно подробно и может быть отнесена только к человеку. Вина понимается как умысел и как неосторожность: «Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то я назначу у тебя место, куда убежать убийце. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника моего бери его на смерть» (Исх 21:29).

К допустимым случаям причинения смерти Ветхий Завет относит известную современному уголовному законодательству необходимую оборону, а также месть: «Если кто застанет вора подкапывающего, и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему. Но если взойшло над ним солнце, то кровь вменится ему» (Исх 22:2-3).

В случае мести за убийство Тора признает ее правомерной, так как это соответствует наказанию, предусмотренному за данный вид преступления: «убийцу должно предать смерти. Мститель за кровь сам может умертвить убийцу; лишь только встретит его, сам может умертвить его» (Числ 35:18-19), «и убьет убийцу сего мститель за кровь: то не будет на нем вины кровопролития» (Числ 35:27).

Четкое понимание преступления, с точки зрения Торы, необходимо прежде всего в педагогических целях, ибо воспитательная функция присуща Закону в целом: «Итак положите сии слова Мои в сердце ваше и душу вашу, и посвятите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими. И учите им сыновей своих, говоря о них, как ты сидишь в доме твоём, и когда идешь дорогою, и когда ложишься, и когда встаешь. И напиши их на косяках дома твоего и на вратах твоих» (Втор 11:19). Функции Закона - воспитательная («научить вас» и прямое указание о «научении детей тому же» - Втор 6: 20 – 25) и предупредительная («чтобы вы поступали так» и «дабы ты боялся»).

Задачи и функции Закона указаны непосредственно в Писании: «Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали так в той земле, в которую идете, чтоб овладеть ею; дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои» (Втор 6:1-2).

---

⁴² *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994. С. 33.

Таким образом, основные задачи Закона - это сохранение экологического равновесия и гармонических социальных отношений: «дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» (Втор 6:24). При этом не проводится различий между «сынами Израилевыми» и представителями других народов, если они находятся на указанной территории: «Один суд должен быть у вас, как для пришельцев, так и для туземца» (Лев24:22), «Закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числ15:16)⁴³.

В рамках еврейско-израильской культуры формируется важнейшая и достаточно специфическая для европейской цивилизации проблема связи религии с государством. Если в период феодализма римская идея как максимально развитый вариант светской идеи противостояла клерикальной, а на исходе средневековья отделение церкви от государства стала проявлением антифеодальной реакции, то здесь фактически предлагается первичный вариант синтеза религии и права в форме теократии. Под теократией Закон понимал «владычество Бога», т. е. такую форму правления, когда священники как толкователи воли Божьей занимали одно из первых мест в обществе. Владычество Бога проявлялось во всем: «По повелению Господню отправлялись сыны Израилевы в путь, и по повелению Господню останавливались ... по указанию Господню останавливались и по указанию Господню отправлялись в путь: следовали указанию Господню по повелению Господню, данному чрез Моисея» (Чис 9.15-23).

«Ниже» Бога стоял Моисей, его постоянными помощниками были избранные из старейшин Израиля 70 человек, наделенных Святым Духом (Чис11.14-17). Впоследствии на этой основе был создан верховный синедрион. Моисей избрал также тысяченачальников, стона начальников, пятидесятиначальников по коленам израилевых, которые были «мужи мудрые, разумные и испытанные» (Вт.1.13)⁴⁴. Все эти лица осуществляли непосредственное управление, в том числе и судебные дела и разрешение спорных вопросов. Все они являлись выборными и назначаемыми (Вт 1.13-15). Критерием при выборе царя впоследствии тоже была его «избранность Богом» (Вт 17.15), как это видно на примере Саула и Давида (1Цар 9.15-16;16.1-13). Основной обязанностью царя являлось строгое исполнение Закона: «Да не отходит сия книга закона от уст твоих и будешь поступать благоразумна» (И Нав 1.8), «тогда царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону» (Ис 31.1)⁴⁵. Наличие людей, которые знали и толковали право, позволяет говорить, что древнееврейское право эволюционировало от обычного права в сторону цельной правовой системы, хотя и использовало все еще принцип соответствия права определенному обществу (*ubi societas, ibi jus*)⁴⁶.

Религия пронизывает и другие сферы древнеизраильского права.

Закон обладал неделимым единством: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем» (Иак.2.10). Отсюда следовала такая особенность древнеизраильского права, как неотделимость «нравственного закона» от «церемониального закона», хотя условно можно все же выделить нравственные постановления, богослужебные постановления и социальные постановления⁴⁷.

⁴³ Окончательный отказ от этноцентризма фиксируется в Новом Завете, где расовое, этническое и социальное происхождение и имущественное положение становятся несущественными и окончательно формулируется представление о неизбежности наказания для всех людей.

⁴⁴ По позднейшим подсчетам, на 600 тыс. чел., вышедших из Египта (Исх 12.37) было выбрано 60 тысяч десятников, 12 тысяч пятидесятников, 6 тысяч сотников, 600 тысяченачальников (всего 78600 чел.).

⁴⁵ Это в конечном итоге давало возможность «не только упорядочения и согласования разнонаправленных интересов различных слоев общества, но и преодоления враждебных и злых побуждений людей друг к другу» (Роик В. Социальные доктрины христианства: человек, общество и государство // Человек и труд. 2003. №3. С. 42).

⁴⁶ Алимжан К. А. Обычное право как форма права. Алматы, 1999. С. 8 – 9.

⁴⁷ Это давало возможность осуществлять также высокоэффективную правовую пропаганду (Иванов Н. Библия и уголовный закон // Советская юстиция. 1992. № 7 – 8. С. 26).

Главным средством воплощения Закона в реальную жизнь был суд. Для израильского судопроизводства было характерно равенство всех перед законом. Это постановление распространялось не только на всех представителей народа Израильского, но также на пришельцев: «Судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его» (Вт. 1.16; ср. Исх.22.21-24; 23.9; Лев. 19.33-34; 24.22' Чис. 15.15-16, 29-30)⁴⁸. Четко проводится принцип справедливости уголовного процесса (не следуй за большинством, не бери дары, не обижай пришельцев).

Девятая заповедь («Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего») служила основой для регуляции отношений судопроизводства. Человеку вменялось в обязанность говорить правду и в соответствии с принципом талиона виновному в лжесвидетельстве по Закону полагалось сделать то, чего он желал тому, против которого свидетельствовал (Вт. 19.16-21).

В своей деятельности суд также должен был руководствоваться принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела для установления объективной истины («правды, правды ищи» - Исх.23.1-3, 6-7; Лев.19.15; Вт. 16.20; 24.17). За нарушение этого принципа полагалось проклятие (Вт.27.19).

Огромное значение на суде для установления объективной истины отводилось свидетельским показаниям. Судья мог осудить виновного на смерть лишь на основании показаний не менее двух свидетелей, причем для усиления моральной ответственности свидетеля за свои слова исполнение смертного приговора начинал именно он (Чис 35.30. Вт. 17.6-7; 19.15). Кроме того, в качестве доказательств использовались ордалии — так называемый «Божий суд», который широко применялся вплоть до средневековья в судебном процессе и представлял собой испытание посредством поединка, воды, огня. Ордалии, применяемые по Закону (Чис 5.12-31), не были физически опасными. В этом плане Божий суд станет одним из предшественников суда присяжных, где определяется лишь виновность, а наказание идет в соответствии с законом.

Большое внимание уделяет Закон рассмотрению гражданско-правовых отношений, то есть имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений. Основой для этих отношений являлась защита права частной собственности, которая достигалась на конституционном уровне двумя заповедями: «не укради» и «не желай...ничего, что у ближнего твоего». Закон также требовал от человека честности, правдивости и справедливости в делах с другими людьми: «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19.18).

Особое внимание уделялось семейно – брачным отношениям. Брак и семья охранялись заповедями о почитании — родителей и недопущении прелюбодеяния⁴⁹. Ни один другой правовой документ древности не уделял столько внимания этим вопросам брака. Пятая заповедь («*Почитай отца твоего и мать твою*» - Исх.20.12) является первой среди этических заповедей, что указывает на ее особую важность. Она служила основой для почитания старших вообще (Лев. 19.32). Ее исполнение приносит благословение семье и народу (Исх.20.12).

Шестая заповедь - первая заповедь, высеченная на второй скрижали. Поскольку заповеди были расположены на скрижалях симметрично, заповедь «не убий» связывалась, таким образом, с заповедью «Я Господь, Бог твой...». Здесь идет первоначальное осмысление взаимосвязи Божественного промысла и человеческих поисков смысла⁵⁰. Именно с подачи

⁴⁸ Судебная власть еще не была отделена от законодательной и исполнительной.

⁴⁹ Именно понимание древними евреями брака как результата сверхъестественного вмешательства давало возможность примирения межполового противоборства (*Закарас В. К.* Библейские истоки половой морали христианства. Минск, 1988. С. 13).

⁵⁰ *Рашковский Е. Б.* Европейская культура нового времени: библейский контекст // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 88; *Карташев А. В.* Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947. С. 87 – 89; *Дрягунов К. В.* Заповедь «Не убий» в Ветхом завете и Новом завете. Калуга, 2000. Сама идея грехопадения – одна из глубочайших религиозно – философских идей человечества. Она, парадоксальным образом связывая между собой человеческое зло и человеческое добро, наносит удар по социально – философским основаниям любых

Торы христианство «имплантирует» в коллективное сознание европейского общества высокую ценность любви к ближнему⁵¹. Это впоследствии будет означать «воспроизвести размышления целого общества о человеческой свободе, жизни и смерти, гибели и зле»⁵².

Таким образом, именно в древнем израильском праве впервые возникает синтетический комплекс религиозно - юридического обоснования общественной жизни. Христианство отвергнет многие чисто религиозные и обрядовые предписания, но, что особенно важно, оставит многое, связанное именно с правом. Моисей и Христос, сакрализовав текст, окончательно оторвали право от обычая и локально-этнической традиции. Отсюда проистекает идея обязательности права для всех. Христос соединит идею равенства всех людей с представлением о «Бог» как «отце». Если древние евреи боялись «отца», то потом, когда «дети вырастут», они начнут «сотрудничать» с Богом. Это станет одним из истоков будущей идеи юридического сообщества и договора. Религия даст европейской цивилизации сакральное обоснование идей справедливости, разумности, познаваемости, рациональности, упорядоченности, закономерности и нравственности мироустройства.

теорий, направленных на построение общества социального равенства, любых утопий, настаивающих на обязательности моделей социума и индивида. Если человек «испортил» свою природу, то он в принципе не может быть прав, не может претендовать на свою собственную «истину».

⁵¹ *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII – XIII вв. СПб., 1997. Через иудейско – христианскую традицию в западную цивилизацию пришло дополнительное обоснование античному пониманию того, что всякая человеческая жизнь священна, ибо является результатом творения, что все люди равны друг другу, ибо (если!) участвуют в Завете.

⁵² *Делюмо Ж.* Грех и страх: формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII – XVIII вв.). Екатеринбург, 2003. С. 8.